

МОДЕЛИ И ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В «НОВЫХ» ГОСУДАРСТВАХ

Ольга Попова

доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)
pov_64@mail.ru, o.popova@spbu.ru

Аннотация

В докладе будет проанализированы модели и технологии формирования политики государственной идентичности в современных «новых» государствах. Он направлен на выявление эффективных стратегий и институциональных практик проводимой в современных государствах политики идентичности, призванной обеспечить символическое единство граждан этих стран, политическую стабильность и устойчивость политического режима. Описаны наиболее результативные стратегии и технологии, используемые в современных «новых» государствах с целью обеспечения политики идентичности. Методологической основой исследования является сочетание принципов конструктивизма и неоинституционализма, поскольку субъектность государства как политического актора в проведении политики идентичности сочетается с необходимостью закрепления ее результатов в специализированных формальных и неформальных практиках, создании определенных политических и общественных институтов. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Ключевые слова: *государственная политика идентичности, «новые государства», механизмы и модели формирования национально-государственной идентичности*

IDENTITY POLICY MODELS AND TECHNOLOGIES IN “NEW” STATES

Olga Popova

Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Head of the
Department of Political Institutions and Applied Political Studies
St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
pov_64@mail.ru, o.popova@spbu.ru

Abstract

The report will analyze the models and technologies of state identity policy formation in modern “new states”. The report shows effective strategies and institutional practices of identity policy pursued in modern states, designed to ensure the symbolic unity of the citizens of these “new” countries, political stability and political regime stability. The methodological basis of the research is a combination of the principles of constructivism and neoinstitutionalism, since the subjectivity of the state as a political actor in pursuing an identity policy is combined with the need to consolidate its results in specialized formal and informal practices, to create certain political and social institutions. The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31616 “State Policy in the Field of Formation of Identity: Conceptual Foundations, Technologies and Prospects” in Saint Petersburg State University.

Keywords: *state policy of identity, “new states”, mechanisms and models of national-state identity formation.*

1. Понятие «политика идентичности», круг исследователей и методологические подходы

Термин «политика идентичности» (англ. «identity politics» или «politics of identity») стал активно использоваться в зарубежных политических исследований в конце 1990-х годов; в российскую политологию эта категория вошла уже в последнее десятилетие. Понятие применяется в нескольких значениях, что связано с изменением трактовки сущности данного феномена в политической практике и изменением взгляда исследователей на вопрос о субъектах формирования политики идентичности. Политика идентичности понимается как процесс сознательного конструирования определенных форм коллективной идентичности (в том числе и попыток создания определенных заданных моделей). В научный дискурс категория «политика идентичности» была введена в 1979 г. Р. Анспачем; этот исследователь изучал данный феномен как движение, выступающее за изменение самовосприятия людей с ограниченными возможностями и отношения к ним социума в целом¹. В середине 1990-х годов категория «политика идентичности» использовалась в основном для описания функционирования новых социальных движений и поиска различными меньшинствами

¹ Anspach, R.R. *From Stigma to Identity Politics: Political Activism among the Physical Disabled and Former Mental Patients*, Social Science and Medicine. Medical Psychology and Medical Sociology, 1979, Vol. 13 (C), pp. 765–773.

оснований для их борьбы за свои «особые» права². Если сначала термин «политика идентичности» (identity politics) применяли для описания борьбы за изменение своего положения в обществе считающих себя ущемленных в социальном плане сообществ³, то в начале 2000-х годов появляется трактовка как одного из важнейших направлений государственной политики по конструированию образа нации, государства, сплочения граждан, обеспечения единства населения, гарантирующего устойчивость политической системы и политического режима. В современной науке считается, что феномен политики идентичности выступает достаточно мощным объяснительным конструктом. Политика идентичности выступает в роли регулятора действий и решений институтов, групп и индивидов, определяет стратегические цели, открывает доступ к целой группе ресурсов, регулирующих стратегию и тактику действий, объясняет деструктивное поведение по отношению к «другим» социальным группам — политическим, этническим, культурным и т. д. В то же время исследования конструирования устойчивых дискурсивных практик социальными меньшинствами с целью своего самоутверждения остаются актуальными⁴. При этом все чаще звучат тезисы о неоправданном гипертрофированном интересе к запросам меньшинств в ущерб реализации прав большинства⁵.

Еще одним из наиболее важных направлений научных дискуссий в области политики идентичности становится изучение формирования феномена глобального гражданства и возможностей формирования надгосударственных моделей идентичности⁶. В настоящее время в политической науке категория «политика идентичности» определяется как «policy» (англ.), т.е. акцентируется значение государственной политики «policy» по сознательному, целенаправленному и систематическому формированию (конструированию), утверждению и корректировке национально-государственной идентичности. В этом случае политика идентичности трактуется как разновидность проводимого политическими, экономическими или культурными элитами политического курса (policy).

Итак, государственная политика идентичности определяется как процесс сознательного конструирования идентичности в границах политического сообщества

² *Social Theory and the Politics of Identity* / Calhoun C. (ed.). Oxford, UK and Cambridge, USA: Blackwell, 1994. 350 p.; Hall, S. *Old and New Identities, Old and New Ethnicities* / A.D. King (ed.). Culture, Globalization and the World System, London, Macmillan, 1991, pp. 41–68; *Commemorations. The Politics of National Identity*, Gillis J. (ed.). Princeton, Princeton UP, 1994, 304 p.

³ Melucci, A. *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*, Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1996, 441 p.; *The Making of Political Identities* / E. Laclau (ed.), London, New York, Verso Books, 1994, 308 p.

⁴ Alcoff, L.M., Mohanty, S.P. *Identity Politics Reconsidered. An Introduction*, Identity Politics Reconsidered, L.M. Alcoff, M. Hames-Garcia, S.P. Mohanty, P.M.L. Moya (eds.), London, Palgrave Macmillan, 2006. P. 1–9; Heyes, C. *Identity Politics*, *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2002. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/> Accessed 10.03.2019.

⁵ Gurbuz, M.E. *Identity Politics*, Encyclopedia of Social Problems. Vol. 1. (ed. by V.N. Parillo). LA, London, NewDelhi, Singapore, Sage, 2008, pp. 467–469; Benhabib, S. *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton, Princeton University Press, 2002, 216 p.

⁶ Beck, U. *The Cosmopolitan Vision*, Cambridge (UK), Maiden (Ma), Polity Press, 2006, 201 p.; Parekh, B. *A New Politics of Identity: Political Principles for an Interdependent World*, New York, Palgrave MacMillan, 2008, 320 p.; Castells, M. *The Power of Identity*, Oxford and Maiden, MA: Blackwell Pub, 1997, 461 p.

(от малых групп до регионов и национальных государств)⁷ со стороны различных сегментов элит. В условиях глобализации выстраивание государством определенной политики идентичности может рассматриваться как своего рода реакция на процессы унификации с целью самосохранения. Исследователи, как правило, используют понятие «национально-государственная идентичность» для описания результата реализации государственной политики идентичности «как полномасштабного конструкта, целостного образа “мы” во всех его измерениях»⁸.

Но можно встретить отождествление этого феномена с национальной идентичностью и/или гражданской идентичностью; в российской литературе используется описание «русской идентичности» как «политической нации» (Э. Паин), «гражданственно-государственной» / «национально-гражданской идентичности» (Л. Дробижева), «комбинации этнического и наднационального / цивилизационного начал» (И. Зевелев) и т.д. Такое терминологическое разнообразие является признаком неустоявшейся в пока теоретической конструкции. Проблематика государственной политики идентичности разрабатывается активно, наличие определенных научных школ, включенных в разные традиции и контексты понимания идентичности, приводит к росту многозначности термина, а вследствие этого и к рискам размывания ключевых понятий. Очевидно, что те или иные категории могут стать элементами идентичности в той степени, в которой могут быть проинтерпретированы самим субъектом и его окружением, наделены значимым для него личностным или социальным смыслом, применимым для определения людей или их групп в рамках существующего дискурса. Однако не подлежит сомнению, что проводимая любым государством политика идентичности формирует «макрополитическую идентичность» населения страны, обеспечивает интеграцию стоящих «за» государством сообществ, поощряет солидарность, формирует определенные представления о «нас», которые опираются на определенные, задаваемые сознательно интерпретации истории и культуры (О. Малинова).

В последние годы в российской политологии активно обсуждается категория «политика идентичности» в контексте связи с проблемами конструирования гражданской идентичности, которая в современных условиях достаточно часто оценивается как наиболее значимая основа формирования политической идентичности⁹. В основе понимания такой трактовки лежит прагматические соображение роста рисков, связанных с влиянием индивидуализма в массовом сознании населения, чревато кризисом гражданских и политических институтов и государства в целом. В то же время государство не может выступать единственным актором формирования государственной или национально-государственной идентичности, таким демиургом, неизбежен запрос на эффективное взаимодействие институтов

⁷ Kenny, M. *The Politics of Identity: Liberal Political Theory and the Dilemmas of Difference*, Cambridge, Polity Press, 2004, 212 p.; Bernstein M. *Identity Politics*, Annual Review of Sociology, 2005, Vol. 31, pp. 47–74.

⁸ Титов В. В. *Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции*, М.: Типография «Ваш формат», 2017, с. 41.

⁹ *Политическая идентичность и политика идентичности* / под ред. О. И. Зазнаева, Казань, Поволжский (Казанский) государственный университет, 2011, 230 с.; *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2 т. Т. 1: *Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий* / отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2011, 208 с.; Т. 2: *Идентичность и социально-политические изменения в XXI в.* / отв. Ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012, 471 с.

власти с гражданским обществом и гражданскими активистами. Заслуживает внимания и сформировавшийся почти 20 лет назад подход анализа государственной политики идентичности через призму оценки моделей этнической идентичности¹⁰.

Тема идентичности (политики идентичности, политики государства в сфере идентичности) достаточно широко представлена в современном научном и общественно-политическом дискурсах, ее изучение ведется не менее в десяти различных направлениях¹¹. Однако наиболее свежие англоязычные публикации затрагивают следующие три аспекта. Во-первых, речь идет о механизмах государственного регулирования политики идентичности¹²; во-вторых, речь идет о технологиях реализации политики идентичности в сфере формирования этнической и региональной идентичности жителей различных государств¹³; в-третьих, исследователей интересуют технологии применения государственными деятелями и СМИ феноменов постправды и фейк-ньюс с целью формирования интересующей политических акторов заданной модели политической идентичности населения¹⁴.

Показателем значимости темы государственной политики по формированию идентичности является тот факт, что среди содержащихся в настоящее время в электронном каталоге Российской национальной библиотеки 8500 авторефератов и 1500 монографий с включенным в название термином «идентичность». Количество научных статей об идентичности в русскоязычных научных журналах и материалов сборников научных конференций превышает 20 тысяч наименований. Заметное место в этом списке занимают публикации, связанные с политикой идентичности, национально-государственной идентичностью, государственной политикой идентичности. Начавшийся в 2004 г. лавинообразный поток русскоязычных научных публикаций, в названии которых встречается понятие «идентичность», отражает, с одной стороны, все чаще встречающуюся расширительную трактовку этого феномена у многих авторов и, с другой стороны, отсутствие реального прироста знаний, реферативный характер статей и даже монографий.

¹⁰ Ачкасов В.А. *Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности*, СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012, 232 с.; Ачкасов В.А., Бабаев С.А. *«Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России*, СПб.: Изд-во С.-Петерб. филос. о-ва, 2000, 144 с.; *Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока* / отв. ред. Л. М. Ефимова, Л. Б. Алаев, М., 1999, 216 с.

¹¹ *Handbook of Identity Theory and Research* / S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (eds.), New York, Springer, 2011, 998 p.

¹² Farred, G. *The Riddle of Identity Politics*, CR: The New Centennial Review, 2018, vol. 18, No. 3, pp. 19–36; Glass, M. *Citizens of the State*, The University of Chicago Law Review, 2018, vol. 85, No. 4, pp. 865–934; Margulies, J.D. *The Conservation Ideological State Apparatus*, Conservation and Society, 2018, vol. 16, No. 2, pp. 181–192; Murphy, E. *Anarchy and Identity: on Power and Loneliness in the Works of John Cowper Powys*, The Powys Journal, 2018, vol. 28, pp. 120–139.

¹³ Mindaugas, J. *What Do We Talk about When We Talk about Northern Europe: Regional Identities in Lithuania*, Politeja, 2017, No. 51/6, pp. 213–234; Onwuegbuchulam, S.P.C., Mtshali, K. *To Be or Not to Be? A Theoretical Investigation into the Crisis of National Identity in Nigeria*, Africa Today, 2017, vol. 64, No. 1, pp. 75–97; Ourghi, A.-H. *Reform of Islam Forty Theses for an Islamic Ethics in the 21st Century*, Gerlach Press, 2019, 202 p.; Tuck, E., Yang, K.W. *Late Identity*, Critical Ethnic Studies, vol. 3, No. 1, 2017, pp. 1–19; Vogt, P. *How Moravian Are the Moravians? The Paradox of Moravian Identity*, Journal of Moravian History, vol. 18, No. 1, 2018, pp. 77–101.

¹⁴ Jensen, M. *Russian Trolls and Fake News: Information or Identity Logics?* Journal of International Affairs, 2018, vol. 71, No. 1.5, pp. 115–124; Lee, M. J. *Considering Political Identity: Conservatives, Republicans, and Donald Trump*, Rhetoric and Public Affairs, 2017, vol. 20, No. 4, pp. 719–730.

К концу второго десятилетия XXI века в российской политической науке сложилось несколько исследовательских групп, эффективно работающие в рамках данной тематики. Научными лидерами, безусловно, следует признать группу ученых из ИМЭМО РАН (И.С. Семенов, В.Л. Лапкин, В.И. Пантин). Среди их публикаций последних лет мы можем назвать несколько работ, которые строго соответствуют теме «государственная политика идентичности»¹⁵. Изданная в 2017 г. под редакцией И.С. Семенова коллективная энциклопедия по идентичности, безусловно, систематизировала циркулирующую в российской политической науке информацию и дала импульс новым исследованиям¹⁶.

Созданная под научным руководством И.С. Семенова сеть исследований идентичности¹⁷, объединяющая наиболее заинтересованных в данной тематике российских ученых, отметила в этом году свое десятилетие. Она объединяет ученых из академических структур и преподавателей университетов нескольких различных регионов России: Краснодарского края (Е.В. Морозова, И.В. Самаркина, И.В. Мирошниченко, З. А. Жаде), Москвы (О.Ю. Малинова, В.В. Титов), Пермского края (Л.А. Фадеева, Н.В. Назукина), Санкт-Петербурга (О.В. Попова), Татарстана (А.Г. Большаков) и др. К сожалению, возрастает число публикаций, которые при внимательном прочтении обнаруживают признаки не научных, а идеологических текстов и выполняют функцию обслуживания политических интересов определенных групп политической элиты и/или контрэлиты.

Достаточно часто звучит тема трактовки «русской идентичности» как идейного конструкта, который может быть использован политическим классом в качестве средства, заменяющего «национальную идею» и отчасти снимающего остроту противоречий между классами и социальными группами в стране. Достаточно немногие из занимающихся этими аспектами исследования политики идентичности российские

¹⁵ Семенов И.С. *Дискурсы идентичности и общественные настроения в Италии 2010-х годов*, Италия в начале XXI века, М., ИМЭМО, 2015, сс. 51–57.

Семенов И.С. *Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе*, Полис. Политические исследования, 2018, № 5, сс. 70–87.

Семенов И.С. *Политика идентичности, Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / Отв. ред. И.С. Семенов, М., Издательство «Весь Мир», 2017, сс. 647–655; Семенов И.С. *Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст*, Полис. Политические исследования, 2016, № 4, сс. 8–28; Семенов И.С. *Прошлое на переднем крае политики идентичности*, Мировая экономика и международные отношения, 2018, Т. 62, № 11, сс. 65–76; Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. *Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве*, Полис. Политические исследования, 2017, № 5, сс. 54–78; Semenenko I. *Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia*, Europe-Asia Studies, 2015, Т. 67, No 2, pp. 306–326; Semenenko, I., Lapkin, V., Bardin, A., Pantin, V. *Between the state and the nation: Dilemmas of identity politics in post-soviet society*, Social Sciences, 2018, Vol. 49, Issue 2, pp. 52–74; Semenenko, I.S., Pantin, V., Lapkin, V. *Historical forecasting in the twenty-first century: the kondratyev cycles, evolutionary cycles and prospects for world development: book reviews*, Social Sciences, 2016, Т. 47, No 1, pp. 137–142.

¹⁶ *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / отв. ред. И.С. Семенов, М.: Изд-во «Весь мир», 2017, 992 с.

¹⁷ *Сеть по исследованию идентичности*. URL: <http://identityworld.ru/>

авторы избегают непредвзятых политических оценок. Примером таких редких исключений являются, например, работы В.С. Комаровского¹⁸.

В последнее время российские авторы стремятся предельно четко обозначать свои методологические подходы к теме политики идентичности, стремясь избежать фрагментарного рассмотрения этой проблемы, или хотя бы предваряют свой анализ ссылкой на определенные авторские концепции¹⁹. Политика идентичности государств в современной науке анализируется с позиций методологии конструктивизма, постструктурализма или неомарксизма. Так, например, методология конструктивизма предполагает, что процесс конструирования идентичности выступает в качестве условия построения эффективной коммуникативной базы и консолидации представителей различных политических, культурных и этнических групп. Вместе с тем, при некритическом использовании методологии конструктивизма или постмодернистских идей в оценке политики идентичности можно прийти и к банальной, но при этом весьма далекой от истины идее возможности и необходимости культивирования якобы абсолютно свободного, независимого от общества и связанного лишь со свободной волей индивида формирования его «самости».

2. Компоненты государственной политики идентичности

Государство, в отличие от других политических акторов, обладает максимальным набором самых разнообразных материальных и символических ресурсов и может использовать большинство институтов социализации и инструментов публичной политики²⁰ с целью сформировать интересующую политическую элиту определенную модель национально-государственной идентичности. В большинстве случаев с претензия государства на легитимную символическую власть²¹ принимается социумом; именно на это обращал внимание Р. Брубейкер, характеризуя современного Левиафана как одного из «важнейших агентов идентификации и категоризации»²²,

¹⁸ Комаровский В.С. *Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России*, Власть, 2017, Т. 25, № 1, сс. 5–11; Комаровский В.С. Ильичева Л.Е. *Теоретические аспекты идентичности и символической политики по отношению к историческим событиям прошлого, Время больших перемен: политика и политики* / Под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой, М.: Российский университет дружбы народов, 2017, сс. 154–156; Комаровский В.С. *Наследие революции 1917 г. в формировании идентичности современной России*, Власть, 2017, Т. 25, № 10, сс. 7–15; Комаровский В.С. *Национально-государственная идентичность России в ракурсе коллективного «мы»*, Вестник Воронежского государственного университета, Серия: История. Политология. Социология, 2014, № 4, сс. 81–84; Комаровский В.С. *Ограничения и возможности конструирования политической идентификации России*, Государственная служба, 2010, № 2 (64), сс. 72–76; Комаровский В.С. *Политическая идентификация России: проблемы и перспективы*, Вестник Московского университета, Серия 12: Политические науки, 2010, № 6, сс. 15–22; Комаровский В.С. *Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски*, Власть, 2015, № 3, сс. 20–27.

¹⁹ *Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций* / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л.А. Фадеевой, М.: РОССПЭН, 2012, 263 с.

²⁰ Семенов И.С. *Политика идентичности, Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / Отв. ред. И.С. Семенов, М., Издательство «Весь Мир», 2017, с. 648.

²¹ Брубейкер Р. *Этничность без групп* / Пер. с англ. И. Борисовой, М. Изд-во НИУ ВШЭ, 2012, с. 91.

²² Брубейкер *et al.*, *op. cit.*

обладающего правом «именовать, идентифицировать, категоризировать и устанавливать, что есть что и кто есть кто».²³

Мы считаем, что в основе государственной политики идентичности лежит предлагаемая властвующей политико-административной элитой матрица государственной идентичности, которая включает несколько параметров. Следует выделять статические компоненты матрицы и динамические. Статические компоненты характеризуют актуальные образы государства. Первый параметр характеризует образ «нашего» государства в 5 измерениях: «правильные» границы территории страны с определением пределов государства и пониманием особенностей отдельных территориальных образований внутри государства; «правильное» время создания государственности; «правильная» государственная символика (гимн, герб, флаг и т.д.); олицетворяющий данное государство «правильный» исторический герой (возможно, не реальный, а некий собирательный образ или легендарная личность); максимально отражающий интересы государства современный национальный герой-лидер. Второй параметр характеризует образ «Мы» в 3 аспектах: тип цивилизации; способ обозначения народа/населения/граждан; самоопределение граждан государства относительно значимых и знаковых групп. Третий параметр касается образа «Они» в 3 измерениях: доминирующая модель идентификации «других» (конфронтационная, нейтральная или кооперативная), характеристики внешних «Они», описание внутренних «Они». Динамический компонент матрицы идентичности характеризует судьбу «нашего» государства в измерении «прошлое – настоящее – будущее». Ключевыми элементами являются образы прошлого и будущего. В матрице очень важен акцент на эволюции и позитивной динамике характеристик государства и общества. Именно наличие этой позитивной перспективы обеспечивает значимость «настоящего» как важного этапа национальной истории. Образ прошлого опирается на противопоставлении образа «золотого века» как времени наивысшего развития и образа «смутного времени» как периода национальной трагедии²⁴, причем обязательно должно присутствовать убеждение в доминировании успехов над неудачами, в противном случае в массовом сознании сформируется негативная модель национально-государственной идентичности, основанная на образах «врага», «коллективной травмы»²⁵ и запросе на «исторический реванш», что помешает разработке и принятию положительного образа будущего. Наиболее проблемным компонентом матрицы государственной идентичности представляется образ будущего в силу высокой степени его неопределенности и коллективных страхов негативных трендов трансформации государства и социума. Образ будущего кажется тем более привлекательным, чем большее число социальных групп в государстве может его поддержать, создавая эффект сопричастности.

Государственная политика идентичности, используя символические средства, выполняет в том числе такую важную функцию, как отвлечение граждан от конфликта внутри самих элит²⁶ и от реальных проблем социума и государства. При этом усилия

²³ Брубейкер *et al.*, *op. cit.*

²⁴ Малинова О.Ю. *Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*, М.: РОССПЭН, 2015, с. 35–37.

²⁵ Малинова *et al.*, *op. cit.*

²⁶ Поцелуев С.П. *«Символическая политика»: к истории концепта*, Символическая политика, 2012, с. 20.

политических акторов направлены на «производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»²⁷.

Стандартные технологии формирования государственной политики идентичности традиционно опираются на историческую политику, частью которой являются «пантеон героев» и политика памятных дат, так называемую политику памяти. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики позволяет не только обеспечить дополнительную легитимацию положению политических элит, но и укрепить солидарность граждан. Политические элиты стремятся по возможности унифицировать понятия, образы, традиции, символы и другие средства, которые выступают в публичном пространстве общим «достоянием» всех заинтересованных лиц и являются предметом дискуссий, присвоения и интерпретаций.²⁸ В ситуации несовпадения трактовок этого исторического прошлого разными политическими акторами эти инструменты превращаются в «яблоко раздора» и превращаются в предмет политического торга и средства дополнительной политической самоидентификации граждан в государстве.

Государственную историческую политику можно определить как «систематизированную и целенаправленную «деятельность политических элит государства и управляемых ими административных структур, чья деятельность направлена на конструирование и поддержание определенных политико-исторических представлений в обществе и на международной арене»²⁹. Частью государственной исторической политики выступает государственная политика памяти, которую также следует рассматривать как некий политически конструкт, поскольку она определяет, какие события включаются, а какие исключаются, как они оцениваются, каким образом формируется отношение к прошлому государства в целом. С этой точки зрения, безусловно, показательными являются, например, абсолютно абсурдные попытки некоторых ученых в современной Болгарии представить участие Российской империи в освобождении этой страны от ига Османской империи как средство недопущения создания единого государства болгарского народа. В России мы наблюдаем попытку представить Октябрьскую социалистическую революцию в качестве продолжения Февральской революции, уничтожившей монархию в стране. Аналогично мы можем наблюдать попытки отвлечения внимания граждан России от социалистического прошлого нашей страны посредством учреждения праздника 4 ноября как декларации единства всех классов и социальных групп. Главное в политике памяти — не историческая правда, не достоверность исторического события, а эмоциональная интерпретация того, что выдается за исторический факт. При этом государство делает ставку на выстраивание комплексного образа прошлого, включающего эмоциональной,

²⁷ Малинова О.Ю. *Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России*, Полис. Политические исследования, 2010, № 2, с. 93.

²⁸ Малинова О.Ю. *Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России*, Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2012, Т. 8, № 4, сс. 181–182.

²⁹ Бушуев В.В., Титов В.В. *Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ)*, Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, История и политология, 2011, № 4, сс. 79.

когнитивной и символической компоненты, опираясь на присутствующие в социуме фрагментарные представления о событии.

В.В. Бушуев и В.В. Титов, акцентируя роль государства в формировании национально-государственной идентичности с точки зрения реализации задач исторической политики (так называемой «политики памяти»), отмечают, что при этом далеко не всегда учитываются интересы и идеологическая позиция других политических акторов, включенных в процесс конструирования национально-государственной идентичности; акцентируется целенаправленное воздействие на массовое сознание с целью формирования «субъективно-объективных» образов наиболее значимых «реперных точек» в истории государства. Наиболее существенные проблемы формирования органами власти определенной модели национально-государственной идентичности — это своевременный учет изменения настроений в обществе и отражения их в модификации трактовки исторических образов, а также обеспечение высокой степени доверия институтам, разрабатывающим и осуществляющим историческую политику и политику памяти. Государство имеет больше возможностей сконструировать и продвинуть в массовое сознание свою модель национально-государственной идентичности, но только в тоталитарной стране она является безальтернативной. Даже в авторитарных государствах органам власти приходится предлагать свою модель на условиях конкуренции с другими моделями, поскольку в социуме на различных уровнях (индивидуальном, групповом, массовом) существует и проявляет себя определенный набор альтернативных идентичностей. Слабая политическая элита (в данном случае мы имеем в виду неспособность конкурировать за признание своих ценностей и идеалов, а не использование легитимного физического насилия) теряет преимущества, а потому вынуждена конкурировать с другими политическими акторами за предложение своей модели национально-государственной идентичности практически на равных.

О компонентах, механизмах и средствах государственной политики идентичности мы писали достаточно подробно³⁰. В их обязательный набор входят: идеологическое обоснование борьбы с внутренними и внешними врагами, акцентирование исторической миссии своего государства с использованием моралистской риторики; комплексная инфраструктура для поддержания исторической памяти, включающая государственные научные и образовательные центры и учреждения, а также существующие под видом институтов гражданского общества учреждения, которые при этом выполняют прежде всего идеологические функции; система законов, усиливающая определенную трактовку исторических событий в качестве единственно правильной и возможной; способная консолидировать общество и/или классифицировать индивидов на «своих» и «чужих» система символов; официальный дискурс обращений и посланий глав государств; интерпретация содержания и символики государственных праздников, которые, используя образы прошлого, одновременно легитимируют нахождение у власти конкретной элитной группы и оправдывают существующий политический курс; конструирование исторических и политических мифов с целью абсолютизации истории государства и уникальных особенностей нации или этнических групп; образовательная политика,

³⁰ Попова О.В. *Эффективность политики идентичности современного полиэтнического государства, Политическое пространство и социальное время*, Симферополь: «Ариал», 2016, сс. 157–158.

попытка унификации концепции учебников истории, литературы и национального языка; попытка идеологического контроля за научными гуманитарными и обществоведческими исследованиями; поддержка государством определенных научных, политических и общественных проектов в сфере политики памяти и истории; ограничение доступ к различным архивам; скрытый идеологический контроль за средствами массовой информации онлайн и офлайн; символическое привлечение в осуществлении политики исторической памяти государственных органов, институтов гражданского общества, политических лидеров других государств, а руководителей международных организаций; усилия для обеспечения признания исторических событий со стороны мировой общественности.

Важным фактором политики государственной идентичности является самоопределение «новых государств» относительно ЕС и Российской Федерации. По определению, Россия рассматривается не просто как «значимый Другой», традиционной стала конфронтационная модель позиционирования политических элит этих государств по отношению к РФ. Это в равной степени касается бывших стран Варшавского договора (Польша, Болгария и др.) и некоторых государств, бывших ранее союзными республиками в СССР (Латвия, Литва, Эстония, Украина). Некоторые исследователи настаивают на том, что в начале 1990-х годов в Восточной и Центральной Европе на фоне вытеснения идентичности соцсодружества сначала «акцентировалась на фоне укрепления национального начала европейскость».

Постепенно конфликт идентичностей смягчался, но побеждала, занимала ведущее место с вписыванием в мировые политические и экономические процессы идентичность гражданина Евросоюза. Одновременно усиливалась региональная взаимовыручка и росла как локальная, так и национальная идентификация, особенно заметно — по итогам кризисного развития конца 2000-х гг.»³¹. Фактически идея заключается в доминировании стратегии выстраивания постсоциалистическими государствами в рамках обновленных границ европейской идентичности в ущерб государственной, что связано с «сокращением его [государства] самостоятельности в принятии решений, с фрагментацией публичной власти и формированием новых нормативных порядков, с развитием и сращиванием сетевых структур»³², при этом конкуренция между европейской и государственной моделями идентичности постепенно заменяется их параллельным развитием. Примером эффекта непродуманной политики развития политики европейской открытости и, как следствие, акцентированного развития европейской идентичности в ущерб государственной обычно называют ситуацию, возникшую в нулевых годах в Польше, Венгрии и Словакии. Исследователи определяют политику элит этих стран в конце 2000-х годов как «национальный экстремизм в условиях кризиса», который все же «преимущественно остается маргинальным явлением»³³. Пример Болгарии, наоборот, рассматривают как пример кризиса национальной (государственной) идентичности.

³¹ Яжборовская И.С. *Политические трансформации и идентичность стран «новой Европы»*, Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. В 2 т. / редкол.: И.С. Семененко (отв. ред.), Н.В. Загладин, В.В. Лапкин, В.И. Пантин, М.: ИМЭМО РАН, 2014, Т. 2, с. 303.

³² Яжборовская *et al.*, *op. cit* с. 304.

³³ Яжборовская *et al.*, *op. cit*

Государственная политика идентичности выполняет важные функции создания символического единства граждан, обеспечения легитимации государственного политического курса во внутренней и внешней политике, мобилизации населения для поддержки решений органов государственной власти и политической элиты в целом.

Наряду с такими универсальными средствами символической политики, как историческая политика и политика памяти, политика государственных праздников и памятных дат, политика топографических наименований, политика разработки и применения национальной символики, государством применяются такие механизмы, как юридические нормативно-правовые акты, касающиеся правил приобретения/лишения гражданства, языковая государственная политика и образовательная политика (прежде всего в области языка, литературы, истории, культуры). Государство претендует на роль ключевого субъекта формирования политики идентичности, доверяя ее реализацию (под своим контролем) в том числе и другим политическим акторам, политическим институтам и институтам гражданского общества. Предлагаемая государством модель политики идентичности не может быть абсолютно волюнтаристской, не учитывающей уже сложившиеся культурно-исторические установки массового сознания и культурные нормы населения страны, однако современные государства в этом вопросе никогда полностью «не идут на поводу» у общественного мнения.

Успешная реализация государственной политики идентичности с целью обеспечения устойчивости и стабильности политической системы государства и его режима невозможна без тщательной проработки относительно непротиворечивой и основанной на национальном мифе идентификационной матрицы, в основе которой лежит предложенное политической элитой видение образов «мы» и «они».

REFERENCES

- Alcoff, L.M., Mohanty, S.P. *Identity Politics Reconsidered. An Introduction*, Identity Politics Reconsidered, L.M. Alcoff, M. Hames-Garcia, S.P. Mohanty, P.M.L. Moya (eds.), London, Palgrave Macmillan, 2006. P. 1–9.
- Anspach, R.R. *From Stigma to Identity Politics: Political Activism among the Physical Disabled and Former Mental Patients*, Social Science and Medicine. Medical Psychology and Medical Sociology, 1979, Vol. 13 (C), pp. 765–773.
- Beck, U. *The Cosmopolitan Vision*, Cambridge (UK), Maiden (Ma), Polity Press, 2006, 201 p.
- Benhabib, S. *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton, Princeton University Press, 2002, 216 p.
- Bernstein M. *Identity Politics*, Annual Review of Sociology, 2005, Vol. 31, pp. 47–74.
- Castells, M. *The Power of Identity*, Oxford and Maiden, MA: Blackwell Pub, 1997, 461 p.
- Commemorations. The Politics of National Identity*, Gillis J. (ed.). Princeton, Princeton UP, 1994, 304 p.
- Farred, G. *The Riddle of Identity Politics*, CR: The New Centennial Review, 2018, vol. 18, No. 3, pp. 19–36.
- Glass, M. *Citizens of the State*, The University of Chicago Law Review, 2018, vol. 85, No. 4, pp. 865–934.

- Gurbuz, M.E. *Identity Politics*, Encyclopedia of Social Problems. Vol. 1. (ed. by V.N. Parillo). LA, London, NewDelhi, Singapore, Sage, 2008, pp. 467–469.
- Hall, S. *Old and New Identities, Old and New Ethnicities* / A.D. King (ed.). Culture, Globalization and the World System, London, Macmillan, 1991, pp. 41–68.
- Handbook of Identity Theory and Research* / S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (eds.), New York, Springer, 2011, 998 p.
- Heyes, C. *Identity Politics*, *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2002. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/> Accessed 10.03.2019.
- Jensen, M. *Russian Trolls and Fake News: Information or Identity Logics?* Journal of International Affairs, 2018, vol. 71, No. 1.5, pp. 115–124.
- Kenny, M. *The Politics of Identity: Liberal Political Theory and the Dilemmas of Difference*, Cambridge, Polity Press, 2004, 212 p.
- Lee, M. J. *Considering Political Identity: Conservatives, Republicans, and Donald Trump*, Rhetoric and Public Affairs, 2017, vol. 20, No. 4, pp. 719–730.
- Margulies, J.D. *The Conservation Ideological State Apparatus*, Conservation and Society, 2018, vol. 16, No. 2, pp. 181–192.
- Melucci, A. *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*, Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1996, 441 p.
- Mindaugas, J. *What Do We Talk about When We Talk about Northern Europe: Regional Identities in Lithuania*, Politeja, 2017, No. 51/6, pp. 213–234.
- Murphy, E. *Anarchy and Identity: on Power and Loneliness in the Works of John Cowper Powys*, The Powys Journal, 2018, vol. 28, pp. 120–139.
- Onwuegbuchulam, S.P.C., Mtshali, K. *To Be or Not to Be? A Theoretical Investigation into the Crisis of National Identity in Nigeria*, Africa Today, 2017, vol. 64, No. 1, pp. 75–97.
- Ourghi, A.-H. *Reform of Islam Forty Theses for an Islamic Ethics in the 21st Century*, Gerlach Press, 2019, 202 p.
- Parekh, B. *A New Politics of Identity: Political Principles for an Interdependent World*, New York, Palgrave MacMillan, 2008, 320 p.
- Semenenko I. *Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia*, Europe-Asia Studies, 2015, T. 67, No 2, pp. 306–326.
- Semenenko, I., Lapkin, V., Bardin, A., Pantin, V. [Between the state and the nation: Dilemmas of identity politics in post-soviet society](#), *Social Sciences*, 2018, Vol. 49, Issue 2, pp. 52–74.
- Semenenko, I.S., Pantin, V., Lapkin, V. *Historical forecasting in the twenty-first century: the kondratyev cycles, evolutionary cycles and prospects for world development: book reviews*, *Social Sciences*, 2016, T. 47. No 1, pp. 137–142.
- Social Theory and the Politics of Identity* / Calhoun C. (ed.). Oxford, UK and Cambridge, USA: Blackwell, 1994. 350 p.
- The Making of Political Identities* / E. Laclau (ed.), London, New York, Verso Books, 1994, 308 p.
- Tuck, E., Yang, K.W. *Late Identity*, *Critical Ethnic Studies*, vol. 3, No. 1, 2017, pp. 1–19.
- Vogt, P. *How Moravian Are the Moravians? The Paradox of Moravian Identity*, *Journal of Moravian History*, vol. 18, No. 1, 2018, pp. 77–101.
- Ачкасов В.А. *Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности*, СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012, 232 с.

- Ачкасов В.А., Бабаев С.А. *«Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России*, СПб.: Изд-во С.-Петербур. филос. о-ва, 2000, 144 с.
- Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций* / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л.А. Фадеевой, М.: РОССПЭН, 2012, 263 с.
- Брубейкер Р. *Этничность без групп* / Пер. с англ. И. Борисовой, М. Изд-во НИУ ВШЭ, 2012, 408 с.
- Бушуев В.В., Титов В.В. *Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ)*, Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, История и политология, 2011, № 4, сс. 77–93.
- Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока* / отв. ред. Л. М. Ефимова, Л. Б. Алаев, М., 1999, 216 с.
- Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / отв. ред. И.С. Семененко, М.: Изд-во «Весь мир», 2017, 992 с.
- Комаровский В.С. *Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России*, Власть, 2017, Т. 25, № 1, сс. 5–11.
- Комаровский В.С. Ильичева Л.Е. *Теоретические аспекты идентичности и символической политики по отношению к историческим событиям прошлого, Время больших перемен: политика и политики* / Под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой, М.: Российский университет дружбы народов, 2017, сс. 154–156.
- Комаровский В.С. *Наследие революции 1917 г. в формировании идентичности современной России*, Власть, 2017, Т. 25, № 10, сс. 7–15.
- Комаровский В.С. *Национально-государственная идентичность России в ракурсе коллективного «мы»*, Вестник Воронежского государственного университета, Серия: История. Политология. Социология, 2014, № 4, сс. 81–84.
- Комаровский В.С. *Ограничения и возможности конструирования политической идентификации России*, Государственная служба, 2010, № 2 (64), сс. 72–76.
- Комаровский В.С. *Политическая идентификация России: проблемы и перспективы*, Вестник Московского университета, Серия 12: Политические науки, 2010, № 6, сс. 15–22.
- Комаровский В.С. *Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски*, Власть, 2015, № 3, сс. 20–27.
- Малинова О.Ю. *Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*, М.: РОССПЭН, 2015, 207 с.
- Малинова О.Ю. *Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России*, Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2012, Т. 8, № 4, сс. 179–204.
- Малинова О.Ю. *Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России*, Полис. Политические исследования, 2010, № 2, сс. 90–105.

- Политическая идентичность и политика идентичности* / под ред. О. И. Зазнаева, Казань, Поволжский (Казанский) государственный университет, 2011, 230 с.
- Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: *Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий* / отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2011, 208 с.; Т. 2: *Идентичность и социально-политические изменения в XXI в.* / отв. Ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012, 471 с.
- Попова О.В. *Эффективность политики идентичности современного полиэтничного государства, Политическое пространство и социальное время*, Симферополь: «Ариал», 2016, сс. 157–158.
- Поцелуев С.П. *«Символическая политика»: к истории концепта*, Символическая политика, 2012, сс. 17–53.
- Семенов И.С. *Дискурсы идентичности и общественные настроения в Италии 2010-х годов*, Италия в начале XXI века, М., ИМЭМО, 2015, сс. 51–57.
- Семенов И.С. *Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе*, Полис. Политические исследования, 2018, № 5, сс. 70–87.
- Семенов И.С. *Политика идентичности, Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / Отв. ред. И.С. Семенов, М., Издательство «Весь Мир», 2017, сс. 647–655.
- Семенов И.С. *Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст*, Полис. Политические исследования, 2016, № 4, сс. 8–28.
- Семенов И.С. *Прошлое на переднем крае политики идентичности*, Мировая экономика и международные отношения, 2018, Т. 62, № 11, сс. 65–76.
- Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. *Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве*, Полис. Политические исследования, 2017, № 5, сс. 54–78.
- Сеть по исследованию идентичности*. URL: <http://identityworld.ru/>
- Титов В. В. *Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции*, М.: Типография «Ваш формат», 2017, 184 с.
- Яжборовская И.С. *Политические трансформации и идентичность стран «новой Европы»*, [Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. В 2 т. / редкол.: И.С. Семенов \(отв. ред.\), Н.В. Загладин, В.В. Лапкин, В.И. Пантин, М.: ИМЭМО РАН, 2014, Т. 2, сс. 295–306.](#)

